

куть, взрѣвъ на небо, рече: «И видѣх солнце и мѣсяць, и звѣзды, и все небесное украшение, не мѣзѣте прѣльстившеся поклонити имъ, яже пода странамъ богъ, а вамъ не тако». Сицим же убо сущемъ на небеси чудесемъ сего дела, рече: «Сходящимъ в море корабли и творящимъ дѣлеса въ водахъ многихъ видѣти чудеса господнѣ...». Славу божию исповѣдати небесемъ пророкъ от лица святаго въпрашати...»⁴³ и т. д.

ныше уставы временемъ владычня повеления повѣдають славу его, якоже всимъ добрѣ смотрящимъ творца о томъ похвалити добраго ради уряжения.

Этот же τόπος, названный Э. Р. Курциусом *Naturanrufung*,⁴⁴ мы находим в болгарском «Шестоднев» Иоанна Экзарха и в русских произведениях — «Поучении» Владимира Мономаха, «Слове» Кирилла Туровского «на 2-ю неделю по пасхе», «Слове о полку Игореве», «Слове о гибели Русской земли».⁴⁵

Подробное исследование условий бытования и художественной функции этого топоса в греко-славянских литературах могло бы представить специальный интерес. А пока отметим, что Речь Моисея находится в русле этой большой традиции. Вместе с тем Речь выдубицкого игумена в чем-то и противостоит этой большой традиции, нарушает ее. Это прежде всего использование конкретной русской исторической темы — окончания строительства монастырской стены; проповедник вынужден был упростить обычную схему *προσφωνητικὸς λόγος*. Здесь нет сложной символики, связанной с посвящением стены архистратигу Михаилу; лишь в конце имеется намек на крылатого архангела, крылом своим покрывающего и оберегающего посвященный ему Выдубицкий монастырь. Нет здесь сложных и пространных ритмико-синтаксических конструкций и долгих стилистических периодов, утяжеляющих изложение. Отсутствуют и сложные аллегорические образы и картины, уводящие читателя в сторону от исторической действительности. Русский оратор, как видим, выступает не как подражатель, не как литературный ремесленник, следующий греко-славянским шаблонам, а как писатель, ищущий новые способы для выражения русского национального самосознания в жанре эпидейктического красноречия. Может быть, он знал и греческий язык и мог обращаться к своим источникам в подлинниках. По всей вероятности, выдубицкий игумен хорошо был знаком и с историей Зоровавеля, сына Салфила, из 1-й и 2-й книг Ездры. Трудно установить, откуда именно проповедник узнал эту историю: из Хроники Амртола или из исторических компиляций, а может быть, он воспользовался отдельным произведением, имев-

⁴³ Там же, лл. 258—258 об., 260 об.

⁴⁴ E. R. Curtius. Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. 6. Auflage. Bern—München, 1967, SS. 101—104.

⁴⁵ См.: Д. С. Лихачев. 1) «Шестоднев» Иоанна Экзарха и «Поучение» Владимира Мономаха. — В кн.: Вопросы теории и истории языка. Сборник в честь проф. Б. А. Ларина. Л., 1963, стр. 187—190; 2) «Слово о гибели Русской земли» и «Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского. — В кн.: Русско-европейские литературные связи. Сборник статей к 70-летию М. П. Алексеева. М.—Л., 1966, стр. 92—96; М. И. Сухомлинов. О сочинениях Кирилла Туровского. — В кн.: Рукописи графа А. С. Уварова, т. II. Памятники словесности, вып. I. СПб., 1858, стр. XXXII—XLII; А. Н. Никольская. К вопросу о пейзаже в древнерусской литературе. (Несколько описаний весны). — СОРЯС, т. СІ, № 3, Л., 1928, стр. 433—439; В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.—Л., 1947, стр. 41—45; Д. С. Лихачев. Слово о полку Игореве. Историко-литературный очерк. Изд. 2-е. М.—Л., 1955, стр. 130—135; Ю. К. Бегунов. Памятник русской литературы XIII века «Слово о гибели Русской земли». М.—Л., 1965, стр. 47, 94—95.